

Я услышал, как молчит Россия...
Ю. Кузнецов

Прошло 20 лет со дня кончины «поэта русской трагедии» Юрия Поликарповича Кузнецова. Я запомнил его таким: молчаливым. В редакции журнала «Наш современник», куда я пришёл работать летом 2003 года, как-то не было его слышно. Он действительно производил впечатление несколько угрюмого, погружённого в себя человека, многие считали его гордецом, но в личном общении он был совершенно простым и доступным. Его внешняя замкнутость проистекала, видимо, от сознания своей внутренней силы и нежелания подавлять этой силой всякого новоявленного профана, только вступающего в мир большой русской поэзии, где он сам-то давно уже был всеми признанным корифеем. После смерти Касмынина он не стал продолжать работу литературной студии при редакции журнала, ему хватало и его преподавательской деятельности в Литературном институте, где он вёл поэтический семинар.

Я не был участником его семинара, но один раз зашёл на занятия. Помню: молодые поэты, студенты выходили перед аудиторией, читали свои, часто совсем не совершенные стихи, а он сидел на неком возвышении, как на кафедре, и с этого поэтического олимпа, погружённый, казался, в себя, прикрыв глаза своими, как тогда говорили – «визевыми» веками, внимал (иначе не скажешь) погудам молодых. Потом начинал говорить, медленно, тяжело и полновесно роняя всякое слово, и всё с теми же полуприкрытыми веками. Казалось, вот сейчас он скажет: «Поднимите мне веки!» и тогда в его глазах сверкнёт потусторонний атомный огонь, который испепелит всё вокруг! Он это знал, потому и не поднимал век, жалел нас – окружающих.

Как-то я я подслунал ему подборку своих стихотворений и с внутренним содроганием ждал, что он уничтожит меня своим дантовым словом. Но он не уничтожил, просто заметил, возвращая подборку, что это ещё слабо. После его смерти я написал стихотворение «Загадка сфинкса», посвящённое его памяти, где, думаю, нашёл верный образ этого поистине великого поэта – сфинкса! Вот именно: сфинкс русской поэзии, каким был и великий Данте Алигьери, раскрывший перед человечеством врата ада и рая. Раскрыл их перед русским читателем и Юрий Кузнецов в своих заключительных для всего его творчества эпиграммных поэмах, объединённых в поэтический цикл «Путь Христа».

А был он, как теперь видится всё более ясное и ясное, «поэтом русской трагедии», исторической драмы, что начала разворачиваться на наших глазах с середины 80-х годов прошлого века (пожалуй, что и раньше...), и которая только набирает свою адскую силу уже в нынешние дни, становясь уже трагедией и всего человеческого мира. Неотступно звучит в его даже ранних стихах этот грозный мотив приближающейся вселенской беды, беды, происходящей во многом от несовершенства человека, от «адамова греха», на что, по-моему, совершенно точно указано в его библейских стихах цикла «Путь Христа». Но начиналось раскрываться это кузнецовское предвидение предстоящей мировой трагедии ещё в ранних его стихах, самым значительным из которых стала всем известная «Атомная сказка», стихотворение, что произвело эффект, вот уж воистину, разрыва атомной бомбы в «жизнелетверждающем», как тогда казалось, поэтическом мире 60-х годов прошлого века, озобоенном детским спором «физиков и лириков». А Кузнецов вывел этот спор к совершенно неожиданному заключению.

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.
Он пошёл в направлении полёта
По серебряному следу судьбы.
И погал он к являшке в болото,
За три моря от отчей избы.

«Пригодится на правое дело!» –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.
В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания царала
На счастливом лице бурака.

Нет, конечно, ни от кого не мог слышать тогдашний 27-летний студент Литературного института Юрий Кузнецов такой конец этой сказки. Хотя, разумеется, теории о противоречивости прогресса и о том, что он может завести человечество не туда, куда мы хотим попасть, бытовали и ранее, но вот применительно к русской традиции – это прозвучало неожиданно и вызвало большие споры. А за Кузнецовым закрепилась навсегда слава парадоксального поэта, умеющего неожиданно поставит читателя перед роковыми вопросами бытия.

Здесь нужно обратиться к биографии нашего героя и найти в ней истоки его творческого своеобразия. Итак, родился Юрий Кузнецов перед самой

Станислав
ЗОТОВ

Русский Дант

К 20-летию памяти Юрия Кузнецова

Великой Отечественной войны в феврале 1941 года в станице Ленинградской в Краснодарском казачьем крае. По свои предкам природным казаком он не был, отец его был коммунистом, политруком Красной Армии. Своего отца он не помнил в лицо, слишком мал был, когда отец ушёл на войну, а после погиб в Крыму в 1944 году при штурме Севастополя. Образ отца всегда занимал поэта, он пытался представить его себе, воссоздать в своём сознании, но долгое время это не удавалось ему, и отец представлялся ему даже в виде призрака, некоего дымного вихря, что идёт к их дому...

Шёл отец, шёл отец, невердим,
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым –
Ни могилы, ни боли.
Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорожку.
Стобл крутящая пыли идёт
Через поле к порогу.
Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука –
Фронтовые.
Всякий раз, когда мать его ждёт, –
Через поле и пашню
Стобл клубящая пыли бредёт,
Одиноким и страдальчим.

Это поистине страшное стихотворение 1972 года. Но подобные настроения поэт сумел преодолеть в 1977 году, когда окончательно определил своё отношение к отцу и свою позицию вообще к памяти о павших на войне.

Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.
Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторяя я имена,
Забывшие землей.

Эти строки опять вызвали бурную дискуссию в обществе, Кузнецова обвиняли даже в цинизме по отношению к героическому своему отцу, предлагали заменить первую строчку, но он отвечал, что за правду на земле нельзя пить из «пьяного торца», недаром в языческую старину черепа наиболее славных героев сохраняли и обрамляли в серебро и золото в виде чаш, чтобы в священные дни по-

миновения предков причащаться из этих сосудов. Нельзя в этой связи не отметить явно языческие мотивы в творчестве Юрия Поликарповича, его особенно частое обращение к теме смерти и посмертной судьбе человеческой души. Всё это были, как теперь ясно видно, подступы к большой теме его библейских поэм «Путь Христа», в которых Кузнецов, как мне кажется, утвердил себя христианином, а не язычником, преодолев в себе это стихийное родовое язычество, через обращение к «закону и благодати» христианского взгляда на мир, когда он, по просьбе святейшего патриарха Алексия II переложил современным поэтическим языком известное православное сочинение – «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, относящееся ещё к XI веку.

Речь о Законе в лице Моисея суровом,
О Благодати и истине в сердце Христовом
Только Закон погребли преходящие эпохи,
Новая вера сошла, воскресая народы,
Принял тогда и наш

русский народ воскрешенье
Князю Владимиру наша хвала за крещение,
Богу молитва от русской великой земли
Господи, благослови!..

Впоследствии, после выхода его поэм о Христе, в которых он воскресил образы бессмертного Данта, православные ортодоксы будут упрекать Юрия Кузнецова едва ли не в ереси, возникнет скандал даже в редакции журнала «Наш современник», где публиковались его поэмы, один из сотрудников журнала, священник отец Ярослав, даже в знак протеста покинет журнал, но мне представляется, что истинный поэт всегда находится на грани общественных споров, такового его предназначение, когда, как известно, если мир и, добавлю, общество раскалываются надвое в своих идеологических спорах, то «трещина проходит через сердце поэта» (Г.Гейне).

Многое в сложной личности и творчестве поэта Юрия Кузнецова объясняется его ранним трагическим опытом перед лицом возможного начала ядерной войны, когда он в 1962 году проходил срочную службу на Кубе в составе советского воинского контингента и оказался в самом эпицентре Карибского ядерного кризиса. Тогда все с минуты на минуту ожидали обмена ядерными ударами между СССР и США, и Куба тогда стала бы главной жертвой этой очень возможной войны. Юрий Поликарпович вспоминал, что все советские военные на Кубе были уверены, что все они неминуемо погибнут, если начнётся обмен ударами, и это ощущение предстояния перед лицом смерти – навсегда запечатлелось в сердце поэта и многое определило в духовном мире его поэзии.

Исходя из этого и надо понимать то ощущение приближения великой трагедии в жизни современной России, которое Кузнецов чувствовал загодя, ещё в начале 80-х годов, ещё в брежневскую эпоху, когда он видел этих раскормленных генералов, обвешанных орденами, имевших генеральские дачи и многочисленную службу, давно забывших, как надо воевать и защищать Родину. К тому времени относится его поразительное пророческое во всех смыслах стихотворение «Сказка о Золотой Звезде».

Поехал на рыбалку генерал
И место целым штабом выбирал.
– Годишься? – зарнул он на божьи мели.
– Так точно! – офицеры воззрелись.
– Где удочка?

Готова честь по чести,
Крючок на месте и червяк на месте.

– А где же стопка?
Стопку опрокинул
За воротник и удочку закинул.
Одну минутку свита не мигала.
Но на виду удача генерала
И слово генерала на слуху:
– Эе! Да это окуны! На уху!

... Шевырнул в котёл, и снова честь по чести
Крючок на месте и червяк на месте.
И снова стопку водки опрокинул
За воротник и удочку закинул.
И три минуты свита не мигала.
Но на виду удача генерала,
И слово генерала на слуху:
– А, золотая рыбка! На уху!

Но, красотой и разумом блистая,
Возвезорила рыбка золотая:
– Пусты меня, служивый, а за дружбу
Я служу тебе большую службу,
Достаточно желанья твоего... –
Но генерал не слушал ничего:
– Чего желать, когда я всё имею:
И армию, и волю, и идею,

Звезду Героя, голос депутата,
Том мемуаров, ореол и золото,
И то скажете, жена и дочь в меху,
Сын – дипломат... – Немеция на уху!

Подобной речи с трепетом внимаю,
Раздумалась и молитв золотая:
– Герой! Моя судьба не в той воде,
Но что ты скажешь о второй Звезде?
И он махнул: – Согласен на вторую! –
И бросил в воду рыбку золотую.
И грянул гром! Ни светы, ни машин.
В широком поле он стоит один,
В солдатской гимнастёрке, – и зажата
В его руке последняя эраганта...
А на него ползут со всех сторон
Четыре танка из иных времён.

Разве это не точный портрет тех генералов, которые продали Советский Союз, не подняли оружие против западных захребетников, разваливавших нашу страну, а потом и расстреляли Верховный Совет и его защитников в октябре 1993 года? Именно такие генералы и сделали всё это, ради своих дач-особнячков, квартир и привилегий. А вот теперь с «последнюю гранатой» стоят наши молодые бойцы на донбасских рубежах, а на них ползут «Леопарды» и «Абрамсы» из «иных времён!» – иных для начала 80-х годов прошлого века, ставших являю для нашего времени. И всё это предвидел поэт Кузнецов. Жаль, общество не обратило тогда внимание на его предсказание.

Да, конечно, Юрий Поликарпович Кузнецов получил при жизни заслуженную славу, был известен и уважаем, но до конца не понят. Впрочем, он не производил впечатление очень озобоченного своей личной славой человека. Он знал свой талант и это было ему довольно. Говорят, что после написания своих поэм о Христе он чуть ли не ставил себе выше Данте Алигьери! Но мне в это не верится, никакого самовозвышения в нём не было. Как я уже замечал, в редакции журнала он держал себя очень скромно, его почти не было слышно. Один раз я увидел его, несущего тяжёлую пишущую машинку со второго этажа, из отдела прозы, где я тогда работал, к себе на первый этаж, он печатал какое-то послание одному из своих авторов. Тогда никто не знал, что у него больное сердце и ему нельзя поднимать тяжести, он сам никогда не жаловался на своё здоровье, выглядел в свои 62 года крепким сильным человеком. Помню, у меня было желание помочь ему, но я не решился, он не любил, когда ему кто-то помогал, а был он довольно неподступен, и я не решился помочь... А надо было, до сих пор себя корю! Вскоре произошло несчастье: собирався на работу как-то утром, он неожиданно оставил сборы, сел на кровать, словно задумался, а потом сказал глухо: «Мне надо домой». Жена сказала ему: «Ты дома, Юра!». Но он повторил упорно: «Мне надо домой». Лёг на постель и умер... Остановилось сердце. «Душа грустит о небесах, она нездешних нив жилища...» (С.Есенин).

Буквально за три дня до кончины он написал своё последнее стихотворение и это стихотворение называлось «Молитва».

На голом острове растёт чертополох.
Когда-то старики жили там – остался вздох.
Их много было на чепле... По воле волн
Прибило к берегу не всех – разбился чёлн.

...Но дни летели, годы шли, и на тот свет
Сошли два сивых старика – простыл и след.
Один остался дотлевать, сухой, как трут:
– Они со мной. Они в земле. Они все тут.
Себя забыл он самого. Всё ох да ох.
Всё выдул ветер из него – остался вздох.
Свой вздох он Богу

возносил сквозь дождь и снег:
– Ты в небесах – мы во гресех – помилуй всех!

Мир во гресех послал корабль в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

...И буря стихла. Поутру шёл дождь и снег,
Морские ухари сошли на голый берег.
Они на гору взобрались – а там сидел
Один оборванный старик и вдаль вгляд.

– Ты что здесь делаешь, глупой? –
Молюсь за всех.

И произнёс трикрат свой стих
сквозь дождь и снег.

– Не знаешь ты святых молитв, –
сказали так.

– Молюсь, как ведаю, – вздохнул
глупой простак.

Они молитву «Отче наш» прочли трикрат.
Старик запомнил наизусть, старик был рад.
Они пошли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.
Но увидели все, кто был на корабле:
Бежит отшельник по воде, как по земле.
– Остановитесь! – им кричит. – Помилуй Бог,
Молитву вашу я забыл. Совсем стал плох.
– Святую! – вскричали все,

кто был на корабле. –
Ходить он может по воде, как по земле.
Его молитва, как звезда, в ту ночь зажглась...
– Молись, как прежде! –

был таков их общий глас...

И если был в чём грешен перед Богом Юрий Поликарпович, то Бог его простил, а нам, живущим, прощать его не за что, пусть он нас простит!

Юрий КЕКШИН «Открылась мне вечная тайна...»

О творчестве Натальи Егоровой

газете «Комсомольская правда». Потом Наталья жила в Москве, находилась в самой гуще литературной жизни советской столицы, а с 1991 в свои тогда еще молодые годы вела отдел поэзии газеты «День», а затем и газеты «Завтра». Там же, в столице, она пережила дни тяжкой смуты октября 1993 года и написала вершинное стихотворение о тех страшных событиях, в котором смело и однозначно явила, угадала образ Богородицы – защитницы Русского мира:

Чья-то кровь на дорожке,
А до рая не дойти.
Все мы божии заложники
Невозможного пути.
Тихо спит Москва убитая,
Обмотав бинтами ширь,
Как во поле после битвы
Васнецовских богатырей.
Не тщеславья! Не предсказывай!
Быть – неведомо чему.
По-над бездной ознеглазю
Мы опять прошли во тьму.
Но над тайной бездзоржия,
Над молчаньем окрест
В черном небе Матерь Божия
Начертала альби крест.

Не могу не отметить, что стихотворение это было опубликовано на обложке первого номера «Литературной России», вышедшего после тех кровавых событий.

Жизнь в Москве помогла Егоровой отточить свое поэтическое мастерство, ведь соприкосновение в едином творческом пространстве с такими выдающимися поэтами как Юрий Кузнецов, Николай Тряпкин, Станислав Куняев, Светлана Кузнецова дорогого стоит. Вся жизнь Наталья Егорова несет в своем сердце благодарность к этим истинным художникам русского поэтического слова, потому как они в их высоком творчестве – её Учителя. Одно из примечательных стихотворений Натальи Егоровой – памяти Николая Тряпкина, её благодарный поклон Мастеру:

Замолчите, звалы словесной трухи,
Где во веки веков все не то и не так!
Это Тряпкин приносит в газету стихи –
И от слова живого колеблется мрак!

Николай Златоуст среди дымной Москвы,
Как пророчил ты в старости ветхой своей,
Огневои Кулпы не сгорающий куст,
Слова русского смерд среди отчих скорбей!

Заикаясь, не слушалась косный язык, –
Лир, скорбящий над лирой в земной суете!
Синевазый, опятный, великий старик,
Как красив ты
в крестьянской своей простоте!

Но изменилась ли она своим характером, своей натурой, своей душой? Нет. Она, в хорошем смысле, осталась провинциальной, а значит, её душа, её сердце сохранили свежесть, непорочную привязанность к своему родному Смоленску, своим родителям – отцу, директору школы и преподавателю истории, и маме, учительнице русского языка и литературы, которые подарили ей неизгладимую любовь к русской словесности. Оттуда же – её неистребимая распахнутая любовь к жизни и присущая русским писателям «дерзость быть вопреки». Хочется привести потрясающие строки поэта:

О, прекрасен ты, мир, в переплете весны –
И сверкают твои межпланетные сны
Как посланцы мечты – без порока.
А о том, что ты эруб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!
Эти взрослые глупости мне не нужны –
Я люблю в крутобойной плавильне весны
Острый запах запретной свободы –
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить, распахнутой настежь, и душ высоту,
Что идут по судьбе, как по водам.

И далее, в этом же стихотворении, не менее напряжённо и больно:

В древнем мире своём,
в вольном детстве своём,
Я, забывшись, сплалась навсегда с бытием –
Безоголудно, всерьёз, без остатка.
Перемазала солнцем в горячем песке,
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,
Над обрывом сверкнула касаткой.
Наталья Егорова «прятала грозу в кулаке», да и до сих пор прячет свою душу от обид, от предательства и наветов, которые ей преподносит судьба, как настоящий поэт – терпеливо и мудро. Главная её защита от всего темного в этой жизни – творчество, терпение, потрясающая беззащитность.
Прощаю смерть в последней глубине,
И мир, что не нуждается во мне,
И жизнь, что, полыхнув, почти прошла.
В земном пути – не поминаю зла.
Прощаю краткий выход высоты,
Крутой тулик несбывшейся мечты,
Устапость дней в мирском чаду зяблот,
Где прав – лишь Бог, а праведен – лишь пот.
И говорю: с земной своей судьбой
Смирись – и вспыхнет солнце над тобой.

Поразает её исповедальная любовь к своему родному городу. Смоленск для Егоровой не провинциальный городок, каковых немало в нашем Отечестве, а великий русский город, один из символов тысячелетней русской истории, город, много столетий хранящий образ Одигитрии Смо-

ленской. Дом, в коем возрастала и ныне живет Наталья, в самом историческом центре города-героя, в шаговой доступности от него Смоленская крепостная стена, Успенский кафедральный собор, набережная великой русской реки Днепр, недалеко православные церкви домонгольского периода, созданные в двенадцатом веке – храмы Петра и Павла, Иоанна Богослова, Михаила Архангела. Эти намолненные символы и образы Русского мира, русского Православия, великого города дарят её сердцу небесный свет. Может быть оттого творческая энергия Егоровой на удивление неистребима, не слабеет с годами, невзирая на трудности нынешнего бытия. Её стихи о городе над великим Днепром лишены лоска и парадности, полны духовной и душевной мощи, пронизаны поэтическими глубинными символами, которые она мастерски вплетает в свою стихотворную вязь. И таких стихотворений о её малой родине – не один десяток. Не могу не привести в пример одно из самых выдающихся поэтических произведений Егоровой о Смоленске:

Пар дыханыя и воздух морозный.
Посвист выгои сквозь вещие сны.
Смотрят в ночь древнерусские звезды
Из днепровской седой глубины.
Здесь ходили поляки и шведы
Вольней сагою смерзшихся струн,
И кровавые стяги Победы
Пел, вмерзая в снег, Гамаюн.
А сейчас здесь ревет автострада,
Выпиле горой усталый до дня,
И тяжёлые камни распада
Рушит в ночь крепостная стена.
Но и в самой решительной схватке,
В час сраженья, ступил за черту,
На руинах былого порядка
Я увижу Небес красоту.
Это весть о Вине и о Хлебе,
О терновом сыне Вениа –
Ведь сквозь трещины в дрогнувшем Небе
Только ближе дыханые Творца.

Браво! До сердечной боли пронзает эти строки своей особой тонкостью и глубиной!

Давно заметил особенную черту в творчестве Натальи Егоровой: у неё очень сильный внутренний редактор. Видно, как она истязает себя в работе над поэтическим словом, благодаря своим сомнениям, своему строгому взыскательному оку, до звука оттачивая свои произведения. Это не просто нелепо, это невыносимо трудно. Обладая от

природы совершенным поэтическим слухом, она в поэтической работе очень взыскательна. Оттого и рождалась, и с каждым годом всё чаще рождаются под её пером настоящие поэтические шедевры, невероятно тонкие в своих философских и жизненных смыслах:

В превращениях вполне откровенных,
Плоть времён замешав на крови,
Слишком призрачны, слишком мновенны
Миражи многоликой Земли.
Крот ли мудрости в глинах нароет,
Дрозд ли в кронах любви напёт,
А не знаю я, грешная, кто я
Средь завещанных Богом высот –
Зверь с вместилищем планетный сознаньем,
Червь, взлетевший весной мотыльком,
Или умный огонь мирозданья,
Над лесным полыхнувший цветком.

Или же вот эти воистину симфонические строки из её стихотворения, посвященного великому сыну земли Русской Александру Невскому, которые невозможно читать без душевного трепета:

Но я восую! – не в хоревьях летящих Победу,
Не меч беспощадный,

не плавающий доблестью взгляд,
Не то, как он шёл

за тевтонцем и шведом по следу,
Не плащ его алый,

как в льдинах Чудского закат, –

Нет, я восую,

что на князем столе над Россией
Он церкви украсил смарагдами и куманом,
Что твердой душой

он правду поставил – над силой,
И кротость – над гневом,

и милость – над острым мечом.

Творчество Натальи Егоровой наполнено светом – и те стихи, которые были написаны в молодые годы высокой статной пышноволосой красавицей, и нынешние, созданные мудрой проницательной талантливой женщиной, за плечами которой десятилетия нелепой жизни, потеря родителей, многих друзей, соратников по перу. Испытала она в полной мере и горечь наветов от завистников – чувство, знакомое каждому настоящему художнику слова, идущему по трудной поэтической дороге, а не по графоманским узким тропинкам. Но она умеет держать тяжёлые и непереносимые удары судьбы благодаря великому чувству любви, постоянно живущему в её редком творческом сердце, которое проникло в её душу вместе с небесным светом в момент появления в этот мир.

Она чувствует себя песчинкой космоса, но благодарить прощения – её и Господа – всегда с ней:

И потому над речкою и полем
В разумной, шевелящей звезде мале
Огромного безбрежной Божьей волей
Всё движется на небе и земле.
А я – песчинка – говорю с Тобой
Сквозь шестлет крон над далью вековой,
И благодать прощенья надо мною
Сильнее смертных звезд над головою.